

Научная статья | Original paper

Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт

М.А. Одинцова¹ ✉, Н.Ю. Стовбун¹, Н.П. Радчикова¹, В.П. Гребенщикова²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Азовский государственный педагогический университет, Бердянск, Российская Федерация
✉ mari505@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Военные события оказывают влияние на психологическое здоровье лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в вооруженный конфликт. **Цель:** проанализировать особенности психологических ресурсов совладания в зависимости от профиля посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. **Гипотеза.** Профили посттравматического реагирования будут различаться по степени вовлеченности в военный конфликт, возрасту, типу травмы, сроку ее давности, по инструментальным и психологическим ресурсам устойчивости. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 614 человек в возрасте от 18 до 77 лет (средний возраст 34 ± 12 лет; 89% женского пола), из них 205 жителей Бердянска, Донецка и Мариуполя («прямая вовлеченность» в военный конфликт). Использовался Международный опросник травмы, Методика посттравматического роста, Тест жизнестойкости, Шкала устойчивости идентичности, Опросник аутентичности и CORE-30. **Результаты.** Выделено четыре типа посттравматического реагирования (нормативное, трансформационное, диалектическое и дисфункциональное), которые частично соотносятся с классификацией Дж. Бонанно. Показано, что тип посттравматического реагирования может быть обусловлен возрастом респондента, типом травматического события, сроком его давности, степенью воздействия (прямое/косвенное). Типы посттравматического реагирования различаются по использованию психологических ресурсов (ресурсов устойчивости и инструментальных ресурсов). **Выводы.** Вне зависимости от степени вовлеченности в военный конфликт большинство россиян хорошо адаптируется к травматическим событиям. Диалектический профиль, обнаруженный в нашем исследовании, расширяет представление об альтернативных исходах травматических событий и подтверждает, что люди, у которых развиваются посттравматические симптомы, могут испытывать и посттравматический рост.

Ключевые слова: психологическая травма, посттравматический рост, копинг-стратегии, жизнестойкость, устойчивость идентичности, прямая и косвенная вовлеченность в военный конфликт

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П.,
Гребенщикова В.П. (2025). Профили
посттравматического реагирования лиц с прямой
и косвенной вовлеченностью в военный конфликт.
Клиническая и специальная психология, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P.,
Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic
response of people with direct and indirect
involvement in military conflict.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу:
<https://doi.org/10.48612/MSUPE/h82g-49gp-d9m8>

Для цитирования: Одинцова, М.А., Стовбун, Н.Ю., Радчикова, Н.П., Гребенщикова, В.П. (2025). Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 108—128. <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140407>

Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict

M.A. Odintsova¹ ✉, N.Yu. Stovbun¹, N.P. Radchikova¹, V.P. Grebenshchikova²

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Azov State Pedagogical University, Berdyansk, Russian Federation

✉ mari505@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Military events impact the psychological well-being of individuals both directly and indirectly involved in armed conflict. **Objective:** to analyze the characteristics of psychological coping resources depending on the posttraumatic response profile of individuals directly and indirectly involved in military conflict. **Hypothesis.** Posttraumatic response profiles will differ based on the degree of involvement in military conflict, age, type and duration of trauma, and the availability of instrumental and psychological resilience resources. **Methods and materials.** The study involved 614 individuals aged 18 to 77 years ($M = 34$, $SD = 12$), 89% of whom were women. Among them, 205 were residents of Berdyansk, Donetsk, and Mariupol — regions directly affected by military conflict. The International Trauma Questionnaire, the Posttraumatic Growth Inventory, the Resilience Scale, the Identity Resilience Scale, authenticity questionnaires, and the COPE-30 were used. **Results.** Four post-traumatic response types were identified — normative, transformational, dialectical, and dysfunctional — corresponding to Bonanno's classification. The type of response was found to be associated with age, trauma type, trauma duration, and the degree of involvement (direct vs indirect). The profiles also differed in terms of the use of personal psychological and instrumental resilience resources. **Conclusions.** Regardless of their degree of involvement in military conflict, most individuals demonstrated adaptive responses to traumatic events. The dialectical profile identified in the study expands the current understanding of posttraumatic trajectories, confirming that individuals with posttraumatic symptoms may also experience posttraumatic growth.

Keywords: psychological trauma, post-traumatic growth, coping strategies, hardiness, identity resilience, direct vs. indirect involvement in military conflict

Supplemental data. Datasets available from <https://doi.org/10.48612/MSUPE/h82g-49gp-d9m8>

For citation: Odintsova, M.A., Stovbun, N.Yu., Radchikova, N.P., Grebenshchikova, V.P. (2025). Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140407>

Введение

Военные конфликты оказывают существенное воздействие на психическое здоровье мирных жителей, как находящихся в центре событий, так и являющихся их «свидетелями», и могут разрушить фундаментальные представления человека о мире, о себе, актуализировать другие психологические травмы и способствовать широкой распространенности посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Вместе с тем все больше исследований посвящено позитивным исходам в результате психологических травм, что говорит о вариативности стратегий преодоления и делает концепцию психологической травмы «открытой» (Dal Molin, 2024). Психологическая травма рассматривается как:

1) неожиданное и неконтролируемое событие, существенно меняющее представление о себе и мире, вызывающее психологические расстройства; препятствующее интеграции личностной и межличностной структур; приводящее к ПТСР, тревожным, обсессивно-компульсивным расстройствам, депрессии, психосоматическим жалобам (Rezapour, 2024; Падун, 2021; Krüger, 2024);

2) «искусство переживания непереживаемого» (Bacon, 2022); рана, вызванная травмирующим фактором и приводящая к мучительным эмоциональным переживаниям (Irtelli, Gabrielli, 2024); «маркер человеческих страданий», «неразрешимый парадокс» (Sexton, 2025); трансдиагностический фактор риска психических расстройств (Hogg et al., 2023);

3) опыт, к которому люди эмоционально не готовы и который делает их уязвимыми и временно беспомощными; опыт катастрофического, невыносимого одиночества, инициирующий психологические защиты для выживания (LaMothe, 2023);

4) «катастрофическое разрушение личностной самооценки вследствие утраты или угрозы недостижимости смыслообразующих социальных ценностей» (Красило, 2009, с. 84).

Как видим, понимание психологической травмы крайне разнообразно: она рассматривается как событие (что произошло); как результат переживания человеком экстраординарных событий (способы реагирования) (Wilks et al., 2021); как опыт (восприятие и оценка события) (Rossi et al., 2024). Однако, анализируя последствия психотравм, все авторы сходятся в одном: граница между нормальными и патологическими реакциями на травму остается неоднозначной. Считается, что травматическое событие является конкретным происшествием, связанным с серьезной угрозой целостности человека, а травматический опыт относится к эмоциональным реакциям и психологическому ответу на события, которые могут возникнуть, даже если само событие объективно не считается критическим, но субъективно оценивается человеком как таковое.

Изучение травматического опыта, эмоциональных переживаний, которыми этот опыт и само событие сопровождается, позволяет исследователям:

1) рассмотреть более широкий спектр ситуаций, вызывающих разные реакции на травматические события: симптомы ПТСР (Rossi et al., 2024), посттравматическую устойчивость (Robinson et al., 2022), посттравматический рост (ПТР) (Tedeschi, Shakespeare-Finch, Taku, 2018);

2) определить разнообразие и уникальность травматических переживаний и посттравматических состояний, их диалектическую природу (Jones et al., 2020); способы совладания (Голоденко и др., 2022; Ткаченко, Мишина, 2024);

3) выделить траектории реагирования людей на травматические события (Bonanno, Chen, Galatzer-Levy, 2023) и стили совладания (Самохвалова и др., 2025).

Одной из наиболее подтвержденных в многочисленных исследованиях концепцией является концепция устойчивости к травмам Дж. Бонанно. На основании длительных наблюдений за людьми, столкнувшимися с потенциально травмирующими событиями разного типа (утрата близких, теракт, пандемия), были составлены карты траекторий реагирования людей на эти события: 1) хроническое ПТСР; 2) восстановление после травмирующего события; 3) усиление симптоматики ПТСР с течением времени; 4) устойчивость и стабильность (Bonanno, Chen, Galatzer-Levy, 2023), — которые зависят от психологических, социальных ресурсов человека и от культурного контекста. Четыре стиля совладания обнаружены и в контексте СВО (Самохвалова и др., 2025): активно-адаптивный; пассивный эмоционально-адаптивный; пассивный принимающе-адаптивный и активный неадаптивный.

Траектория устойчивости и адаптивные стили совладания являются наиболее распространенными. Например, показано, что на фоне СВО, способствующей ухудшению психоэмоциональных состояний, происходит переосмысление ценностей, переоценка смысла жизни, понимание ресурсности близких отношений (Самохвалова и др., 2025). Поэтому в современных исследованиях актуализируются понятия «посттравматическая устойчивость» (Robinson et al., 2022) и «посттравматический рост» (ПТР) (Tedeschi, Shakespeare-Finch, Taku, 2018), на основании чего выдвигается требование включения этих концепций в клиническую практику. Также подмечено, что люди, у которых развиваются посттравматические симптомы, чаще испытывают и посттравматический рост, чем те, у кого нет симптомов, так как ПТР возможен только через внутреннюю борьбу с шоком и вызовом, которые приносит с собой травматическое событие (Lackner, 2024).

Выделяют множество типов психологических травм: детские травмы, взрослые межличностные травмы, травма утраты; травма идентичности; коллективная и индивидуальная травмы и т.д. Сделаны попытки выделить укрупненные группы психологических травм: межличностные (отношения между людьми) и не-межличностные (болезнь, аварии, военные действия, смерть близкого) (Perez, Szabo, 2025). Особое внимание исследователей приковано к травмам, связанным с военными конфликтами (Hamburger, 2024) с акцентом на частоту встречаемости ПТСР в этих зонах. Выявлена высокая распространенность ПТСР (56,9%) среди суданских граждан (Hussein et al., 2025); молодых палестинцев (63,40%) (Aldabbour et al., 2024); жителей ДНР (20,6%) (Таукенова, Кащенко, 2024); мирного населения Мариуполя (46,7%) (Богачев, Высоцкая, Винтонюк, 2024); молодежи прифронтовых территорий ДНР (23,14%) (Киселева, 2025); выявлены некоторые симптомы острого стрессового расстройства и ПТСР у юношества Донецка и Белгорода (Панич, Розенков, 2024); повышенный уровень ПТСР у мужчин (9,6%) и женщин (19,1%) из районов интенсивных обстрелов ДНР (Рядинская, 2018). Также показано, что население с историей травмы обрабатывает текущие травматические события иначе, чем население без истории травматических событий, и даже косвенное воздействие («травма наблюдателя») может иметь патологические последствия (Abi-Habib et al.,

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П., Гребенщикова В.П. (2025). Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P., Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict.

2025). Такая повышенная распространенность ПТСР в зонах военных конфликтов может зависеть от наслаивающихся на потенциальную травму войны других типов травм (Norpen, Morina, 2019).

Данные исследования, как видим, сосредоточены на изучении ПТСР как основного исхода при столкновении с травмой войны, что приводит к тому, что иные адаптационные стратегии лиц, проживающих в зонах военных конфликтов и являющихся их свидетелями, остаются недостаточно изученными. Как пишет М.Ш. Магомед-Эминов, «Травма подобно двуликому Янусу открывается не только своей негативной стороной расстройства и страданий (ипостась, закрывающая возможности), но и оборотной, позитивной стороной стойкости и мужества, духовного роста и аутентичности личности (ипостась, открывающая возможности)» (Магомед-Эминов, 2025, с. 98). Многоликость травмы, вариативность в способах реагирования на экстраординарные события в зависимости от физиологических, психосоциальных, исторических факторов (Katsarava Schilcher-Freier, Gaschler, 2025); типа самого события (Шмарина, 2023); от «разных кругов близости к зоне военного конфликта» (Самохвалова и др., 2025) становятся глобальными исследовательскими задачами. Настоящее исследование концентрируется на более узкой, но значимой проблеме особенностей психологических ресурсов совладания в зависимости от профиля посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт.

Материалы и методы

Участники исследования

В исследовании приняли участие 614 человек в возрасте от 18 до 77 лет (средний возраст 34 ± 12 лет, медиана = 35 лет), из них 205 жителей Бердянска, Донецка и Мариуполя («прямая вовлеченность» в военный конфликт). Выборки с прямой и косвенной вовлеченностью эквивалентны по возрасту ($t(612) = 1,85$; $p = 0,06$); обе с преобладанием женщин (91,7% с «косвенной вовлеченностью» и 84,9% в выборке с «прямой вовлеченностью» в военный конфликт).

Методики

Для выявления травматического события и способов реагирования на него использовался Международный опросник травмы (Падун и др., 2022), в котором инструкция ориентировала на личный опыт стрессового события и отношение к этому опыту. Респонденты отмечали срок давности события и отвечали на вопросы Методики посттравматического роста (Магомед-Эминов, 2008), в которой инструкция соотносилась с указанным ими событием. Для выявления ресурсов устойчивости был использован Тест жизнестойкости (Осин, Рассказова, 2013), Шкала устойчивости идентичности (Соловьева, Одинцова, 2023) и Опросник аутентичности (Нартова-Бочавер, Корнеев, Резниченко, 2022), для выявления инструментальных ресурсов — опросник COPE-30 с ситуативно ориентированной инструкцией (Одинцова и др., 2022).

Актуальные травматические события, о которых писали респонденты, были разделены исходя из (Perez, Szabo, 2025) на межличностные (развод, разрыв отношений, насилие) и не-межличностные (болезнь, смерть близких, аварии, потеря имущества, СВО и т. п.). Дополнительно выделялась группа, которую сложно было дифференцировать, так как в качестве актуального личного опыта стрессового события люди указали следующее: «потеря себя», «жуткий комплекс неполноценности», «чувство инаковости», «разная идеальная версия себя, скрытность,

полярность, неоднозначность, неопределенность мыслей, бесконечная тревога»; «недовольство собой зашкаливает»; «пустота внутри себя» и т.п. Сосредоточение на внутриличностных переживаниях без соотнесения их с конкретным событием может быть связано со сниженной чувствительностью к контексту, к своему жизненному опыту и индивидуальности, что рождает противоречивость, несогласованность в восприятии события и себя самого в этом событии (Шмарина, 2023). Поэтому третья группа травматических событий была определена как внутриличностные травматические события.

Опрос включал анкету с социодемографическими характеристиками (пол, возраст, семейный статус и т.д.)

Процедура

Исследование проводилось онлайн с помощью Яндекс-форм методом снежного кома с 2024 по 2025 год.

Статистические методы: описательная статистика, кластерный анализ по методу *k*-средних для выделения типов реагирования, однофакторный дисперсионный анализ и хи-квадрат Пирсона для сравнения групп с разным типом реагирования.

Результаты

Комплекс характеристик, «закрывающих возможности» (ПТСР, Нарушения Я, КПТСР Международного опросника травмы) и «открывающих возможности» (отношения с другими, новые возможности, сила личности, духовные изменения, повышение ценности жизни опросника посттравматического роста (ПТР)), лег в основу выделения профилей посттравматического реагирования с помощью кластерного анализа (метод *k*-средних). Все шкалы были предварительно нормированы. В результате выделено четыре профиля посттравматического реагирования, различающихся соотношением ПТР, ПТСР, КПТСР, нарушений Я (рис.). Первый профиль (кластер 1, $N = 115$) со сниженными показателями по ПТР и завышенными по ПТСР, нарушению Я и КПТСР показывает «дисфункциональное реагирование» («хронизация» по Дж. Бонанно); второй профиль (кластер 2, $N = 126$) с низкими показателями по ПТР, ПТСР, КПТСР и нарушению Я — «нормативное реагирование» («устойчивость» по Дж. Бонанно); третий профиль (кластер 3, $N = 223$) с высокими показателями по ПТР и низкими по ПТСР, КПТСР и нарушению Я — «трансформационное реагирование» («восстановление» по Дж. Бонанно); четвертый профиль (кластер 4, $N = 150$) с высокими показателями по ПТР, ПТСР, КПТСР и нарушению Я — «диалектическое реагирование» (не соответствует классификации Дж. Бонанно).

Для характеристики выделенных профилей посттравматического реагирования были проанализированы различия в зависимости от типа травмы, срока ее давности, зоны вовлеченности в военный конфликт, возраста (табл. 1). Внутриличностная травма актуальна для более четверти (26,92%) лиц с дисфункциональным посттравматическим реагированием в сравнении с другими типами травм. Не межличностные (43,8%) и межличностные (34,3%) травмы — для лиц с трансформационным посттравматическим реагированием. В профилях с нормативным и диалектическим реагированием все типы травм распределились равномерно.

Наиболее длительные сроки травматического события выявлены у лиц с трансформационным посттравматическим реагированием (43% пережили травматическое событие сроком от 1 года до 3 лет; 41% — сроком от 3 до 10 лет).

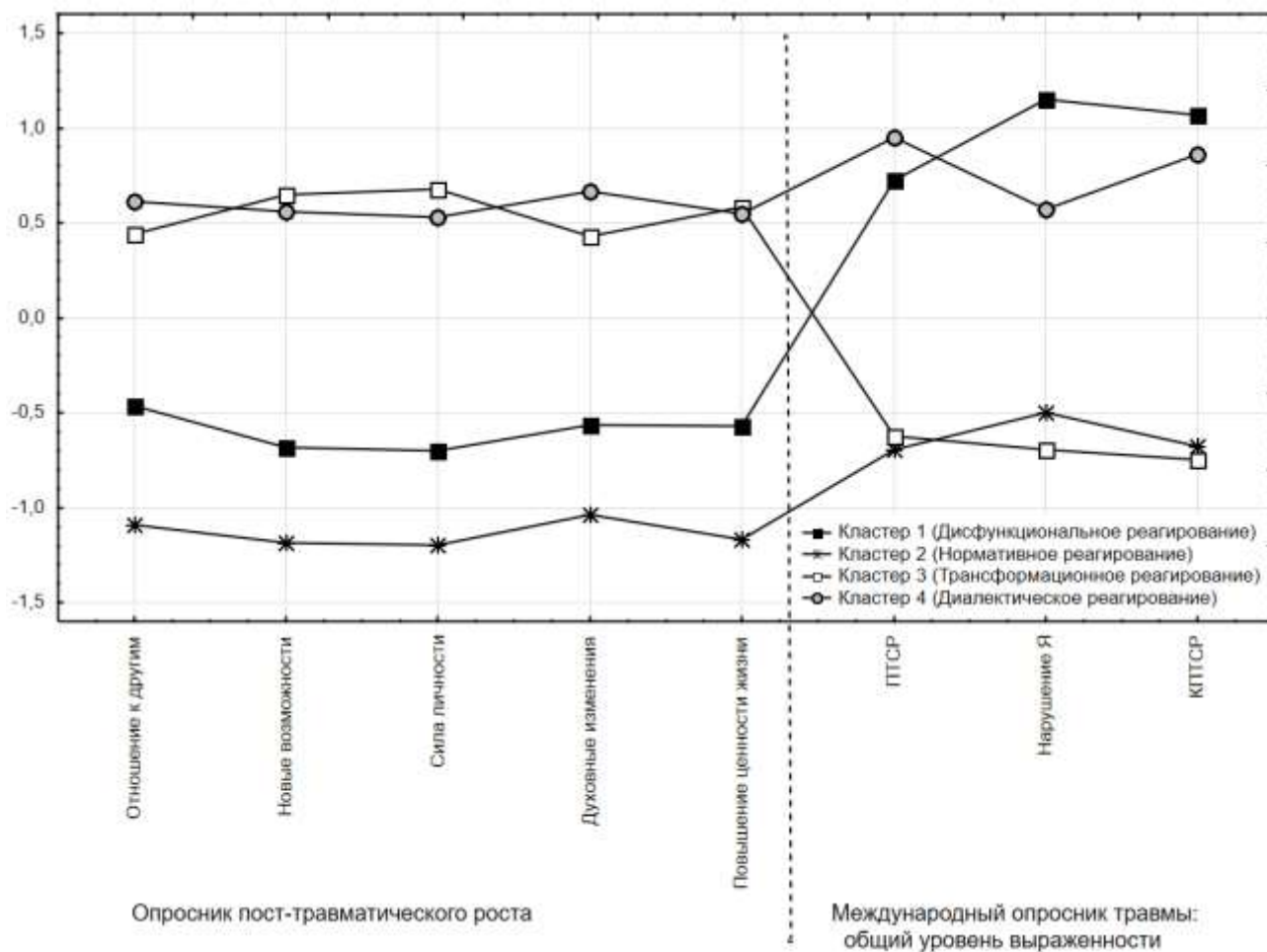

Рис. Профили посттравматического реагирования на основании «Опросника посттравматического роста» и «Международного опросника травмы», кластерный анализ k-средних: ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство, КПТСР — комплексное посттравматическое стрессовое расстройство

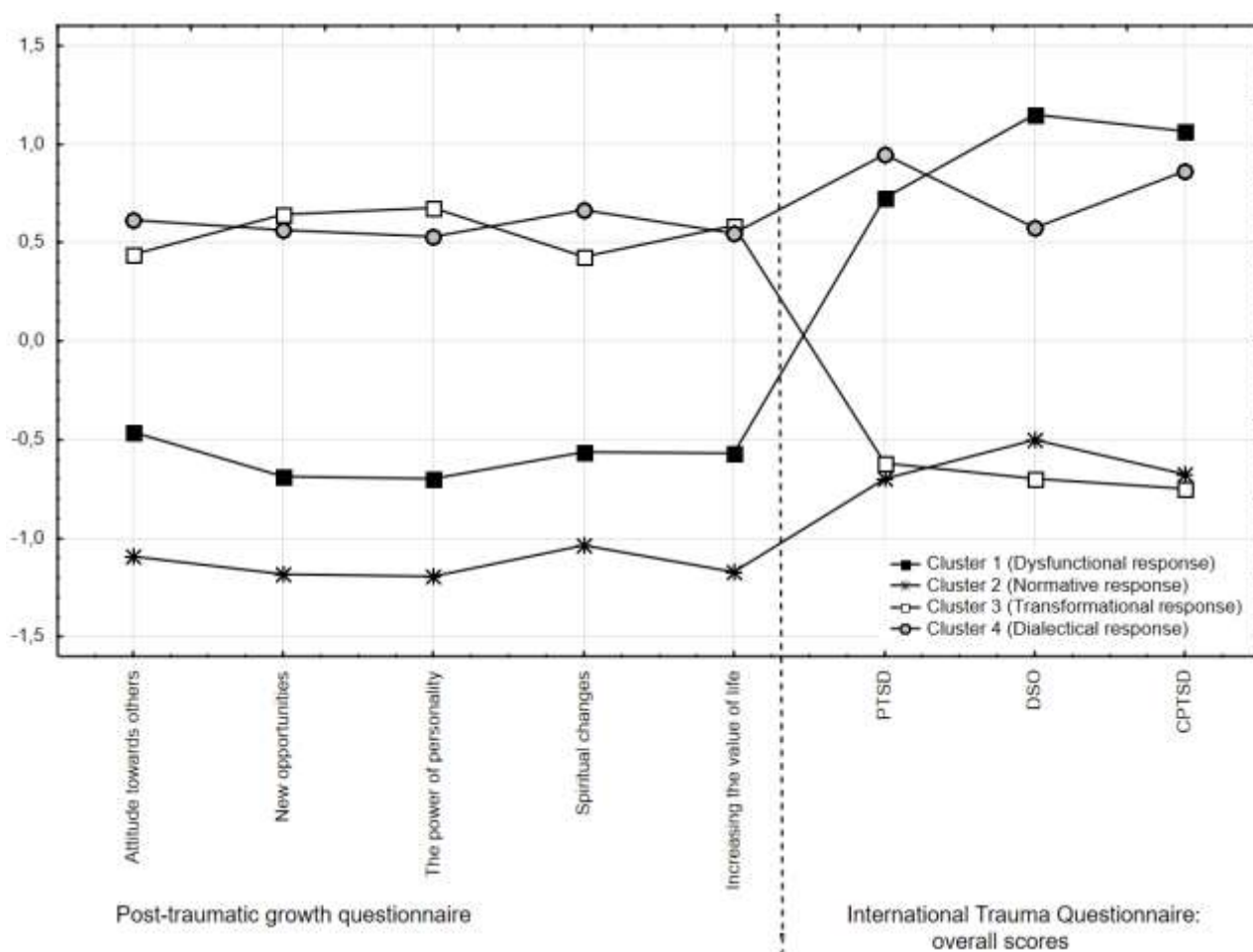

Fig. Posttraumatic response profiles based on the Posttraumatic Growth Questionnaire and the International Trauma Questionnaire, k-means cluster analysis: PTSD — posttraumatic stress disorder, DSO — Disturbances in self-organization, CPTSD – complex posttraumatic stress disorder

Профили различались по вовлеченности в военный конфликт: более трети (31,22%) лиц с прямой вовлеченностью вошли в профиль диалектического посттравматического реагирования, и менее четверти (21,03%) — лиц с косвенной вовлеченностью, которые чаще пополнили профиль нормативного реагирования (22,49%). При этом дисфункциональный (18,83% / 18,54%) и трансформационный профили реагирования (37,65% / 33,66%) не зависят от вовлеченности в военный конфликт. Дисфункциональный профиль реагирования характерен почти для трети (27,72%) молодежи, трансформационный — для 44,67% лиц старшего возраста.

Таблица 1 / Table 1

**Профили посттравматического реагирования в зависимости от прямой и косвенной
вовлеченности в военный конфликт, возраста, типа травмы и срока**
**Posttraumatic response profiles according to direct and indirect involvement in armed
conflict, age, type of trauma and duration**

Показатель / Variable	Кластер (тип реагирования) / Cluster (Type of response)				Всего / Total
	1	2	3	4	
Вовлеченность в военный конфликт / Involvement in armed conflict $\chi^2 = 8,74$; df = 3; p = 0,033					
Косвенная / Indirect	77	92	154	86	409
	18,83%	22,49%	37,65%	21,03%	
Прямая / Direct	38	34	69	64	205
	18,54%	16,59%	33,66%	31,22%	
Возраст / Age $\chi^2 = 42,07$; df = 3; p < 0,001					
До 30 лет / Up to 30 years old	74	47	68	78	267
	27,72%	17,60%	25,47%	29,21%	
От 31 года и старше / From 31 years and older	41	79	155	72	347
	11,82%	22,77%	44,67%	20,75%	
Тип травмы / Type of trauma $\chi^2 = 21,99$; df = 6; p = 0,001					
Внутриличностная / Intrapersonal	35	32	34	29	130
	26,92%	24,62%	26,15%	22,31%	
Не межличностная / Non-interpersonal	28	45	106	63	242
	11,57%	18,60%	43,80%	26,03%	
Межличностная / Interpersonal	52	49	83	58	242
	21,49%	20,25%	34,30%	23,97%	
Срок давности травмы / Trauma duration $\chi^2 = 23,37$; df = 9; p = 0,005					
До 1 года / Up to 1 year	58	60	65	66	249
	23%	24%	26%	27%	
1—3 года / 1—3 years	18	21	54	34	127
	14%	17%	43%	27%	
3—10 лет / 3—10 years	23	27	59	34	143
	16%	19%	41%	24%	
Свыше 10 лет / Over 10 years	16	18	45	16	95
	13,9%	14,3%	20,2%	10,7%	
Всего / Total	115 18,72%	126 20,52%	223 36,31%	150 24,42%	614

Далее были проанализированы различия в психологических ресурсах устойчивости (устойчивость идентичности, аутентичность, жизнестойкость) и инструментальных ресурсах (копинг-стратегии) в зависимости от профиля посттравматического реагирования (табл. 2 и 3). Представители разных профилей существенно различаются по уровню жизнестойкости, аутентичности и устойчивости идентичности. Самый высокий уровень жизнестойкости у лиц с трансформационным и нормативным, а самый низкий — у лиц с дисфункциональным профилем реагирования на травму. Осознанность, непредвзятость, аутентичное поведение и аутентичные отношения в большей степени характерны для лиц с трансформационным и нормативным профилями реагирования на травму. Осознанность как компонент аутентичности снижена у лиц с дисфункциональным профилем, которые все же способны выстраивать аутентичные отношения так же, как и лица с нормативным профилем.

Высокая самооценка свойственна лицам с трансформационным профилем, несколько ниже она у лиц с нормативным, и самые низкие значения — у лиц с дисфункциональным профилем. Показатели самоэффективности наиболее высокие у лиц с трансформационным и диалектическим профилями, а самые низкие — у лиц с дисфункциональным профилем. Лица с трансформационным профилем в большей степени ощущают и свою уникальность, в отличие от представителей других групп. Что касается целостности своего Я, группы не различаются между собой.

Группы также существенно различаются в использовании копинг-стратегий. Позитивное переформулирование, использование инструментальной и эмоциональной поддержки, активное совладание, обращение к религии и планирование чаще используется представителями трансформационного и диалектического профилей. К менее активному выражению своих эмоций склонны лица с профилем нормативного реагирования на травму в сравнении с тремя другими группами. Им же присуща меньшая напряженность всех копинг-стратегий. К избегающим стратегиям (мысленный и поведенческий уход, отрицание, использование успокоительных) чаще прибегают лица с дисфункциональным и с диалектическим профилем. У последних прослеживается высокая напряженность как конструктивных, так и недостаточно конструктивных копинг-стратегий.

Таблица 2 / Table 2

Сравнение групп с разными профилями посттравматического реагирования по ресурсам устойчивости: описательная статистика (среднее \pm стандартное отклонение и результаты дисперсионного анализа)

Comparison of groups with different profiles of post-traumatic response by resilience resources: descriptive statistics (mean \pm standard deviation and results of analysis of variance)

Показатель / Variable	Кластер (тип реагирования) / Cluster (type of response)				Дисперсионный анализ / ANOVA							
					F	p	Попарные сравнения / Pairwise post-hoc tests					
	1	2	3	4			1-2	1-3	1-4	2-3	2-4	3-4
Жизнестойкость / Hardiness												
Жизнестойкость / Hardiness	30,2 ± 13,1	46,2 ± 12,1	53,4 ± 9,4	36,8 ± 11,0	133,4	<0,0001	**	**	**	**	**	**
Аутентичность / Authenticity												
Осознанность / Awareness	3,2 ± 0,7	3,7 ± 0,6	4,0 ± 0,5	3,5 ± 0,6	50,8	<0,0001	**	**	**	**	*	**
Непредвзятость / Unbiased processing	3,0 ± 0,6	3,4 ± 0,6	3,5 ± 0,6	3,0 ± 0,6	28,0	<0,0001	**	**			**	**
Аутентичное поведение / Behavior	3,0 ± 0,7	3,5 ± 0,5	3,6 ± 0,5	3,2 ± 0,6	34,0	<0,0001	**	**	*		**	**
Аутентичные отношения / Relational orientation	3,8 ± 0,5	3,8 ± 0,5	4,0 ± 0,5	4,0 ± 0,5	8,0	<0,0001		**		**	**	
Устойчивость идентичности / Identity Resilience												
Самооценка / Self-esteem	12,5 ± 3,6	15,9 ± 3,0	17,2 ± 2,2	15,0 ± 2,5	78,5	<0,0001	**	**	**	**	*	**
Самозффективность / Self-efficacy	13,2 ± 2,8	14,3 ± 2,5	15,2 ± 2,5	14,7 ± 2,5	16,0	<0,0001	**	**	**	**		
Уникальность / Distinctiveness	12,8 ± 3,4	14,2 ± 2,9	15,3 ± 2,8	14,4 ± 2,9	18,2	<0,0001	**	**	**	**		*

Примечание: F — эмпирическое значение дисперсионного анализа; p — уровень статистической значимости; для попарных сравнений использовался апостериорный критерий Тьюки, его уровни значимости представлены в столбцах 8—13 таблицы; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Note: F — ANOVA empirical value; p — the level of statistical significance; for pairwise comparisons, the Tukey post hoc test was used; its significance levels are presented in columns 8—13 of the table; «*» — $p < 0.05$; «**» — $p < 0.01$.

Таблица 3 / Table 3

**Сравнение групп с разными профилями посттравматического реагирования по
инструментальным ресурсам: описательная статистика (среднее ± стандартное
отклонение и результаты дисперсионного анализа)**

**Comparison of groups with different profiles of post-traumatic response by instrumental
resources: descriptive statistics (mean ± standard deviation and results of analysis of
variance)**

Копинг / Variable	Кластер (тип реагирования) / Cluster (Type of response)				Дисперсионный анализ / ANOVA							
					F	p	Попарные сравнения / Pairwise post-hoc tests					
	1	2	3	4			1-2	1-3	1-4	2-3	2-4	3-4
Позитивное переформулирование и личностный рост / Positive reinterpretation and growth	4,4 ± 2,0	4,7 ± 2,1	5,8 ± 2,1	5,0 ± 2,0	14,5	<0,0001		**		**		**
Мысленный уход от проблемы / Mental disengagement	5,8 ± 1,9	4,7 ± 1,9	4,6 ± 1,7	5,9 ± 1,6	25,7	<0,0001	**	**			**	**
Концентрация на эмоциях и их активное выражение / Focus on and venting of emotions	5,7 ± 1,7	5,3 ± 1,9	6,2 ± 1,6	6,1 ± 1,6	9,0	<0,0001				**	**	
Использование инструменталь- ной социальной поддержки / Seeking instrumental social support	4,9 ± 2,0	4,9 ± 2,1	5,7 ± 2,0	5,8 ± 1,8	9,6	<0,0001		**	**	**	**	
Активное совладание / Active coping	5,4 ± 1,8	5,4 ± 2,0	6,5 ± 1,7	6,3 ± 1,5	15,0	<0,0001		**	**	**	**	
Отрицание / Denial	4,8 ± 2,4	4,1 ± 2,0	3,5 ± 1,9	4,6 ± 2,2	12,3	<0,0001		**		*		**
Обращение к религии / Religion	4,0 ± 2,1	4,3 ± 2,4	5,6 ± 2,1	5,8 ± 2,2	23,8	<0,0001		**	**	**	**	
Поведенческий уход от проблемы / Behavior disengagement	5,0 ± 1,8	4,0 ± 1,6	3,6 ± 1,5	4,6 ± 1,7	23,9	<0,0001	**	**			**	**
Использование эмоциональной социальной поддержки / Seeking emotional social support	5,5 ± 2,0	5,2 ± 2,1	5,9 ± 1,9	6,1 ± 1,9	5,7	0,0007				**	**	
Использование «успокоитель- ных» / Alcohol/drug use	3,6 ± 2,2	2,4 ± 1,2	2,8 ± 1,7	3,9 ± 2,1	20,4	<0,0001	**	**			**	**
Подавление конкурирующей дея- тельности / Suppression of competing activities	4,2 ± 1,9	3,7 ± 1,9	4,3 ± 2,0	4,9 ± 2,0	9,1	<0,0001			*	*	**	*
Планирование / Planning	5,8 ± 1,7	5,9 ± 1,9	6,7 ± 1,3	6,6 ± 1,4	12,5	<0,0001		**	**	**	**	

Примечание: F — эмпирическое значение дисперсионного анализа; p — уровень статистической значимости; для попарных сравнений использовался апостериорный критерий Тьюки, его уровни значимости представлены в столбцах 8—13 таблицы; «*» — p < 0,05; «**» — p < 0,01.

Note: F — ANOVA empirical value; p — the level of statistical significance; for pairwise comparisons, the Tukey post hoc test was used, its significance levels are presented in columns 8—13 of the table; «*» — p < 0.05; «**» — p < 0.01.

Обсуждение результатов

Выделенные нами профили частично совпадают с траекториями адаптации к травме Дж. Бонанно (Bonanno, Chen, Galatzer-Levy, 2023): устойчивость как нормативная адаптация (в нашем случае — «нормативное реагирование»); восстановление как снижение симптоматики ПТСР в течение времени («трансформационное реагирование»), хронизация как погружение в длительные страдания при дефиците ресурсов для восстановления («дисфункциональное реагирование»). «Отсроченные реакции», нарастающие в течение времени и возникающие при отрицании травматического события, в нашем случае близки профилю дисфункционального реагирования. Выделенный нами диалектический профиль как диалектическое единство альтернативных исходов травматического события (ПТР, ПТСР, КПТСР, нарушения Я) расширяет представления о нелинейности посттравматических реакций, где позитивные и негативные изменения являются фазами единого процесса развития личности, как это показано в (Lackner, 2024).

Наш анализ обнаружил, что более трети респондентов вне зависимости от зоны вовлеченности в военный конфликт вошли в профиль трансформационного, около четверти — диалектического, чуть более 20% — нормативного реагирования, что в совокупности составляет 81,28% положительных исходов после травматических стрессов, и только 18,72% отличаются дисфункциональным посттравматическим реагированием. Это говорит о вариативности в посттравматическом реагировании и хорошей адаптации большинства респондентов к травматическим событиям, что соответствует отечественным и зарубежным исследованиям (Таукенова, Кащенко, 2024; Киселева, 2025; Bonanno, Chen, Galatzer-Levy, 2023).

Нами был выделен такой тип травмы, как внутриличностная, чаще упоминаемая лицами с дисфункциональным посттравматическим реагированием, которые недостаточно способны организовать свой опыт во временном развертывании интерсубъективного существования, что приводит к расщеплению различных сенсорных режимов и частей психики, создавая эффект неподлинности (Mezzalana et al., 2023).

Наиболее длительные сроки травматического события у лиц с трансформационным посттравматическим реагированием, что полностью соответствует траектории восстановления после травмирующего события с течением времени, выделенной Бонанно с соавторами (Bonanno, Chen, Galatzer-Levy, 2023). Диалектическое посттравматическое реагирование, в большей степени характерное для лиц с прямой вовлеченностью в военный конфликт, говорит о сложном взаимодействии между негативными и позитивными изменениями. Такая двойственность указывает на выраженность стресса и способность людей извлекать смысл из своего травматического опыта.

Наши результаты также показали, что позитивная трансформация после психологической травмы в большей степени характерна для лиц старшего возраста в отличие от молодежи, около трети которой пополнили дисфункциональный профиль посттравматического реагирования, что соответствует исследованию (Abi-Habib et al., 2025). В этой работе показано, что люди старшего возраста легче справляются с трагическими событиями, воспринимая их как менее угрожающие для идентичности и жизненных целей.

Обнаруженные различия в инструментальных ресурсах и ресурсах устойчивости позволили дать дополнительные характеристики выделенным нами профилям посттравматического реа-

гирования. Так, лица с дисфункциональным профилем отличаются недостаточной жизнестойкостью, осознанностью, низкой самооценкой, самоэффективностью, однако они способны выстраивать аутентичные отношения с другими. Лица с нормативным профилем обладают достаточной жизнестойкостью, аутентичностью, хорошей самооценкой, меньшей напряженностью всех копинг-стратегий. Лица с трансформационным профилем самые жизнестойкие, аутентичные, с высокой устойчивостью идентичности и напряженностью всех конструктивных копинг-стратегий, в числе которых обращение к религии как оптимальная стратегия при столкновении с травматическими событиями. Возможно, именно эта группа достигла такого уровня развития, когда травматическая ситуация стала «реабилитационно вычерпанной» (Красило, 2009, с. 88). Лица с диалектическим профилем отличаются умеренной жизнестойкостью, осознанностью, самооценкой, высокой самоэффективностью и напряженностью всех копинг-стратегий: конструктивных и недостаточно конструктивных, которые выстраиваются в условиях травматического опыта в «линию обороны», что дополняет представления (Lackner, 2024) о том, что посттравматический рост возможен через внутреннюю борьбу с травматическими переживаниями.

Заключение

В заключение следует отметить, что негативные и позитивные последствия психотравмирующих событий необходимо рассматривать в их вариативности, что может быть обусловлено: 1) возрастом, типом травматического события, сроком его давности, степенью воздействия (прямое/косвенное); 2) ресурсами устойчивости и инструментальными ресурсами.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

Большинство россиян вне зависимости от степени вовлеченности в военный конфликт хорошо адаптируются к межличностным, не-межличностным и внутриличностным травматическим событиям.

Вариативность профилей посттравматического реагирования, которые практически совпали с траекториями адаптации к травме Дж. Бонанно, указывает на неоднозначность психологического реагирования, а диалектический профиль, обнаруженный в нашем исследовании, расширяет представление об альтернативных исходах травматических событий и подтверждает, что люди, у которых развиваются посттравматические симптомы, могут испытывать и посттравматический рост.

Дисфункциональный профиль посттравматического реагирования отличается актуальностью внутриличностной травмы и в большей степени свойственен молодежи. Данный профиль отличают сниженный уровень жизнестойкости, осознанности, устойчивости идентичности, напряженность недостаточно конструктивных копинг-стратегий, но повышенная способность выстраивать аутентичные отношения. Нормативный профиль отличает косвенная вовлеченность в военный конфликт, равномерное распределение разных типов травм, хорошая жизнестойкость, аутентичность, устойчивость идентичности, ненапряженность копинг-стратегий. Для представителей трансформационного профиля старше 31 года характерны не-межличностные и межличностные травмы вне зависимости от зоны вовлеченности в военный конфликт и с более длительными сроками. Это самая жизнестойкая, аутентичная, с устойчивой идентичностью и напряженностью конструктивных копинг-стратегий группа. В профиль диа-

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П., Гребенщикова В.П. (2025). Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P., Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict.

лектического реагирования чаще попадают лица до 30 лет с прямой вовлеченностью в военный конфликт, с умеренной жизнестойкостью, хорошей самоэффективностью, ощущением своей уникальности и ярко выраженной напряженностью конструктивных и неконструктивных копинг-стратегий.

Необходима просветительская работа среди лиц (особенно молодежи) с разной степенью вовлеченности в военный конфликт с целью донесения до них информации о психологических травмах, возможных способах реагирования на травмирующие события с акцентом на психологические ресурсы для развития уверенности в своих силах по преодолению травматического опыта.

Ограничения. В выборке преобладали женщины в силу их большей заинтересованности в исследовании. Не учитывались индекс тяжести травматического события, субъективные эмоциональные переживания, связанные с травматическими событиями.

Limitations. The sample was dominated by women due to their greater interest in the study. The severity of the traumatic event and the subjective emotional experiences associated with it were not taken into account.

Список источников / References

1. Богачев, А.М., Высоцкая, Ю.А., Винтонюк, Т.Г. (2024). Психологические особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям (на примере г. Мариуполь). *Клиническая и специальная психология*, 13(3), 216—232. <https://doi.org/10.17759/cpse.2024130311>
Bogachev, A.M., Vysotskaya, Yu.A., Vintonyuk, T.G. (2024). Psychological features of post-traumatic stress disorder in the civilian population of a region exposed to local military actions (using the example of Mariupol). *Clinical Psychology and Special Education*, 13(3), 216—232. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2024130311>
2. Голоденко, О.Н., Абрамов, В.А., Абрамов, В.Ал., Альмешкина, А.А. (2022). Влияние локуса контроля на выбор копинг-стратегий в ситуации длительного стресса вооруженного конфликта на Донбассе у лиц молодого возраста. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 3(59), 23—34. URL: <http://journal.dnmu.ru/index.php/Psychiatry/article/view/960> (дата доступа: 20.12.2025).
Golodenko, O.N., Abramov, V.A., Abramov, V.Al., Almeshkina, A.A. Evaluation of the efficiency of the use of coping strategies in the situation of long-term stress of the armed conflict in Donbass in young age. *Journal of psychiatry and medical psychology*, 3(59), 23—34. (In Russ.). <http://journal.dnmu.ru/index.php/Psychiatry/article/view/960> (viewed: 20.12.2025).
3. Киселева, И.В. (2025). Характер психотравмирующих событий и выраженность психопатологических симптомов среди молодежи прифронтовых территорий. В: Ю.В. Быховец, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, Д.В. Ушаков, Н.Е. Харламенкова (отв. ред.), *Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика. Материалы конференции* (с. 219—226). М.: ИП РАН.
Kiseleva, I.V. (2025). The nature of psychotraumatic events and the severity of psychopathological symptoms among young people in frontline territories. In: Yu.V. Bykhovets, A.L. Zhuravlev, A.V. Makhnach, D.V. Ushakov, N.E. Kharlamenkova (Eds.), *Psychology of posttraumatic stress: methodology, theory, practice. Conference materials* (p. 219—226). Moscow: IP RAS. (In Russ.).

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П., Гребенщикова В.П. (2025). Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P., Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict.

4. Красило, А.И. (2009). Социально-гуманистический анализ психологической травмы. *Культурно-историческая психология*, 5(3), 81—90. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2009_n3/24652 (дата обращения: 20.12.2025).
Krasilo, A.I. (2009). Socio-humanistic analysis of the psychological trauma. *Cultural-Historical Psychology*, 5(3), 81—90. (In Russ.). https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2009_n3/24652 (viewed: 20.12.2025).
5. Магомед-Эминов, М.Ш. (2008). *Феномен экстремальности*. М.: Психоаналитическая Ассоциация.
Magomed-Eminov, M.Sh. (2008). *Phenomenon of extremality*. Moscow: Psychoanalytic Association. (In Russ.).
6. Магомед-Эминов, М.Ш. (2025). От психологии травмы к метапсихологии экстремального бытия личности. В: Ю.В. Быховец, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, Д.В. Ушаков, Н.Е. Харламенкова (отв. ред.), *Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика. Материалы конференции* (с. 219—226). М.: ИП РАН.
Magomed-Eminov, M.Sh. (2025). From the psychology of trauma to the metapsychology of extreme personality existence. In: Yu.V. Bykhovets, A.L. Zhuravlev, A.V. Makhnach, D.V. Ushakov, N.E. Kharlamenkova (Eds.), *Psychology of posttraumatic stress: methodology, theory, practice. Conference materials* (p. 219—226). Moscow: IP RAS. (In Russ.).
7. Нартова-Бочавер, С.К., Корнеев, А.А., Резниченко, С.И. (2022). Краткая версия Опросника аутентичности Керниса–Голдмана: адаптация в России. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(3), 150—171. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309>
Nartova-Bochaver, S.K., Korneev, A.A., Reznichenko, S.I. (2022). A short version of the Kernis–Goldman Authenticity Inventory: Adaptation in Russia. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(3), 150—171. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309>
8. Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П., Александрова, Л.А. (2022). COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 247—275. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11>
Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Aleksandrova, L.A. (2022). COPE-30: psychometric properties of the short version of the Russian language inventory for coping strategies evaluation. *Moscow University Psychology Bulletin*, 4, 247—275. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11>
9. Осин, Е.Н., Рассказова, Е.И. (2013). Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 147—165.
Osin, E.N., Rasskazova, E.I. (2013). A short version of the hardiness test: Psychometric properties and organizational application. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 147—165. (In Russ.).
10. Падун, М.А. (2021). Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации. *Консультативная психология и психотерапия*, 29(3), 69—87. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290306>
Padun, M.A. (2021). Complex PTSD: Psychotherapy of prolonged traumatization. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 29(3), 69—87. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290306>

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П., Гребенщикова В.П. (2025). Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P., Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict.

11. Падун, М.А., Быховец, Ю.В., Казымова, Н.Н., Ченцова-Даттон, Ю.Е. (2022). Русскоязычная версия «международного опросника травмы»: адаптация и валидизация на неклинической выборке. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(3), 42—67. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300304>
Padun, M.A., Bykhovets, J.V., Kazymova, N.N., Chentsova-Dutton, Y. (2022). Russian version of the International Trauma Questionnaire: Adaptation and validation in a non-clinical sample. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(3), 42—67. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300304>
12. Панич, О.Е., Разенков, М.А. (2024). Особенности базовых убеждений молодежи с травматическим опытом (на примере жителей Белгорода и Донецка). *Вестник МГТУ. Серия прикладных научных дисциплин*, 2, 122—133.
Panich, O.E., Razenkov, M.A. (2024) Features of the basic beliefs of young people with traumatic experiences (using the example of residents of Belgorod and Donetsk). *Herald of the Moscow State University of Technologies and Management. Series of Applied Scientific Disciplines*, 2, 122—133. (In Russ.).
13. Рядинская, Е.Н. (2018). Проявление симптомов посттравматического стрессового расстройства у мужчин и женщин, проживающих в условиях конфликта на востоке Украины. *Клиническая и специальная психология*, 7(3), 146—166. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070309>
Ryadinskaya, E.N. (2018). Manifestation of symptoms of post-traumatic stress disorder in men and women living in armed conflict conditions in the east of Ukraine. *Clinical Psychology and Special Education*, 7(3), 146—166. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070309>
14. Самохвалова, А.Г., Тихомирова, Е.В., Екимчик, О.А., Сапоровская, М.В. (2025). Копинг-стратегии и жизнестойкость российской молодежи в социокультурном контексте «новых войн». *Российский психологический журнал*, 22(1), 195—222. <https://doi.org/10.21702/de293d90>
Samokhvalova, A.G., Tikhomirova, E.V., Ekimchik, O.A., Saporovskaya, M.V. (2025). Coping strategies and hardiness in Russian youth in the socio-cultural context of new wars. *Russian Psychological Journal*, 22(1), 195—222. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/de293d90>
15. Соловьева, Я.А., Одинцова, М.А. (2023). Адаптация методики «Индекс устойчивости идентичности» на русскоязычной выборке. *Актуальные проблемы психологического знания*, 2, 21—36. https://doi.org/10.51944/20738544_2023_2_21
Solovyova, Ya.A., Odintsova, M.A. (2023). Adaptation of the Identity Resilience Index Technique in Russian-speaking sample. *Actual problems of psychological knowledge*, 2, 21—36. (In Russ.). https://doi.org/10.51944/20738544_2023_2_21
16. Стовбун, Н.Ю., Гребенщикова, В.П., Графская, А.В. (2025). Посттравматическое реагирование лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт: Набор данных. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. Москва. URL: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/h82g-49gp-d9m8> (дата обращения: 20.12.2025).
Stovbun, N.Yu., Grebenshchikova, V.P., Grafskaya, A.V. (2025). Post-traumatic response of individuals with direct and indirect involvement in military conflict: A data set. RusPsyData: A repository of psychological research and tools. Moscow. URL: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/h82g-49gp-d9m8> (viewed: 20.12.2025).

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П., Гребенщикова В.П. (2025). Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P., Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict.

17. Таукенова, Л.М., Кащенко, В.В. (2024). Распространенность ПТСР у мирных жителей ДНР. *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*, 4, 199—202.
Taukenova, L.M., Kashchenko, V.V. (2024). Prevalence of PTSD among civilians of the DPR. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 4, 199—202. (In Russ.).
18. Ткаченко, Н.С., Мишина, М.М. (2024). Личностные особенности студентов, покинувших зону боевых действий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(2), 153—174. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-19>
Tkachenko, N.S., Mishina, M.M. (2024). Personal characteristics of students who left the zone of military operations. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(2), 153—174. (In Russ.).
<https://doi.org/10.11621/LPJ-24-19>
19. Шмарина, Т.А. (2023). Аутентичность личности и парадокс устойчивости к травматическому стрессу. *Современная зарубежная психология*, 12(3), 74—82.
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120307>
Shmarina, T.A. (2023). Identity authenticity and the paradox of resilience to traumatic stress. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 12(3), 74—82. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120307>
20. Abi-Habib, R., Kheir, W., Yaktine, N., Maouch M.E., Tohme, P. (2025). The psychological outcomes of direct and indirect exposure to trauma: The Lebanese experience. *Psychiatric Quarterly*, 96(4), 927—942. <https://doi.org/10.1007/s11126-025-10149-3>
21. Aldabbour, B., Abuabada, A., Lahlouh, A., Halimy, M., Elamassie, S., Sammour, A.A.-K., Skaik, A., Nadarajah, S. (2024). Psychological impacts of the Gaza war on Palestinian young adults: a cross-sectional study of depression, anxiety, stress, and PTSD symptoms. *BMC Psychology*, 12(1), art. 696. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02188-5>
22. Bacon, H.R. (2022). The intersubjective responsibility of durational trauma: Contributions of Bergson and Levinas to the philosophy of trauma. *Continental Philosophy Review*, 55, 159—175. <https://doi.org/10.1007/s11007-021-09556-7>
23. Bonanno, G.A., Chen, S., Galatzer-Levy, I.R. (2023). Resilience to potential trauma and adversity through regulatory flexibility. *Nature Reviews Psychology*, 2, 663—675.
<https://doi.org/10.1038/s44159-023-00233-5>
24. Dal Molin, E.C. (2024). Trauma: open concept. *The American Journal of Psychoanalysis*, 84, 79—93. <https://doi.org/10.1057/s11231-024-09442-0>
25. Hamburger, A. (2024). Krieg als soziales Trauma. *Forum der Psychoanalyse*, 40, 259—271.
<https://doi.org/10.1007/s00451-024-00555-x>
26. Hogg, B., Gardoki-Souto, I., Valiente-Gómez, A., Rosa, A.R., Fortea, L., Radua, J., Amann, B.L., Moreno-Alcázar, A. (2023). Psychological trauma as a transdiagnostic risk factor for mental disorder: an umbrella meta-analysis. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*, 273(2), 397—410. <https://doi.org/10.1007/s00406-022-01495-5>
27. Hoppen, T.H., Morina, N. (2019). The prevalence of PTSD and major depression in the global population of adult war survivors: a meta-analytically informed estimate in absolute numbers. *European Journal of Psychotraumatology*, 10(1), art. 1578637.
<https://doi.org/10.1080/20008198.2019.1578637>
28. Hussein, M.F., Saleeb, M., Tolba, B., Mohamed, Y.Y., Gebreal, A., Mohamed, A.O.A., Al-Qahtani, F.S., Yasin, F.M.O., Alawed, O.A., Ghazy, R.M. (2025). Assessment of post-traumatic

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П., Гребенщикова В.П. (2025). Профили посттравматического реагирования лиц с прямой и косвенной вовлеченностью в военный конфликт. *Клиническая и специальная психология*, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P., Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic response of people with direct and indirect involvement in military conflict.

- stress disorder and well-being among Sudanese during the ongoing war: a cross-sectional study. *BMC Psychology*, 13(1), art. 181. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-02542-1>
29. Irtelli, F., Gabrielli, F. (2024). Reknowing Trauma. In: *Contemporary Perspectives on Trauma and Resilience* (pp. 1—24). Palgrave Macmillan Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-70793-3_1
 30. Jones, A.C., Hilton, R., Ely, B., Gororo, L., Danesh, V., Sevin, C.M., Jackson, J.C., Boehm, L.M. (2020). Facilitating posttraumatic growth after critical illness. *American Journal of Critical Care*, 29(6), e108—e115. <https://doi.org/10.4037/ajcc2020149>
 31. Katsarava, M., Schilcher-Freier, J., Gaschler, R. (2025). Trauma type affects the perceived severity of symptoms and intensity of the recommended intervention in laypeople's perspective on PTSD. *Discover Mental Health*, 5, art. 75. <https://doi.org/10.1007/s44192-025-00199-1>
 32. Krüger, R.T. (2024). Trauma-related disorders. In: *Disorder-Specific Psychodrama Therapy in Theory and Practice* (pp. 181—261). Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7508-2_5
 33. Lackner, R. (2024). Post-traumatic growth. In: *Stabilization in Trauma Treatment* (pp. 65—69). Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-662-67480-2_7
 34. LaMothe, R. (2023). The silence of othered species: The anthropocene age, trauma, and the ontological rift. *Pastoral Psychology*, 72, 385—402. <https://doi.org/10.1007/s11089-023-01069-9>
 35. Mezzalira, S., Santoro, G., Bochicchio, V., Schimmenti A. (2023). Trauma and the disruption of temporal experience: a psychoanalytical and phenomenological perspective. *American Journal of Psychoanalysis*, 83, 36—55. <https://doi.org/10.1057/s11231-023-09395-w>
 36. Perez, L.A., Szabo, Y.Z. (2025). Somatic symptoms among young adults: an observational study examining the roles of trauma type and psychological distress. *BMC Psychology*, 13(1), art. 301. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-02504-7>
 37. Rezapour, M. (2024). Impacts of traumatic lifetime event on the likelihood of divorce. *Discover Psychology*, 4, art. 157. <https://doi.org/10.1007/s44202-024-00272-w>
 38. Robinson, M., McGlinchey, E., Bonanno, G.A., Spikol, E., Armour, C. (2022). A path to post-trauma resilience: a mediation model of the flexibility sequence. *European Journal of Psychotraumatology*, 13(2), art. 2112823. <https://doi.org/10.1080/20008066.2022.2112823>
 39. Rossi, A.A., Panzeri, A., Fernandez, I., Invernizzi, R., Taccini, F., Mannarini, S. (2024). The impact of trauma core dimensions on anxiety and depression: a latent regression model through the Post-Traumatic Symptom Questionnaire (PTSQ). *Scientific Reports*, 14(1), art. 23036. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-72274-6>
 40. Sexton, A. (2025). Introducing the legacies and trajectories of trauma to the archival field. *Archival Science*, 25, art. 3. <https://doi.org/10.1007/s10502-024-09471-9>
 41. Tedeschi, R.G., Shakespeare-Finch, J., Taku, K. (2018). *Posttraumatic growth: Theory, research, and applications*. New York: Routledge.
 42. Wilks, S.E., Choate, S.E., Brown, S.C., Du, X., Curry, T.M. (2021). Overview on trauma and resilience. In: K.E. Cherry, A. Gibson (eds.), *The intersection of trauma and disaster behavioral health* (pp. 9—25). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51525-6_2

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П.,
Гребенщикова В.П. (2025). Профили
посттравматического реагирования лиц с прямой
и косвенной вовлеченностью в военный конфликт.
Клиническая и специальная психология, 14(4), 108—128. *Clinical Psychology and Special Education*, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P.,
Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic
response of people with direct and indirect
involvement in military conflict.

Информация об авторах

Мария Антоновна Одинцова, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Наталья Юрьевна Стовбун, выпускница факультета дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5546-1165>, e-mail: nstovbun55@gmail.com

Наталья Павловна Радчикова, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Вероника Петровна Гребенщикова, ассистент кафедры психолого-педагогического и эстетического образования, Азовский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО АГПУ), г. Бердянск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4504-7703>, e-mail: vp25.11.2020@yandex.ru

Information about the authors

Maria A. Odintsova, Candidate of Science (Psychology), Professor, Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Natalia Yu. Stovbun, graduate of the Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5546-1165>, e-mail: nstovbun55@gmail.com

Nataly P. Radchikova, Candidate of Science (Psychology), Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research PsyDATA, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Veronika P. Grebenshchikova, Assistant of the Department of Psychological, Pedagogical and Aesthetic Education, Azov State Pedagogical University, Berdyansk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4504-7703>, e-mail: vp25.11.2020@yandex.ru

Вклад авторов

Одинцова М.А. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Стовбун Н.Ю. — проведение исследования; сбор и анализ данных, обратная связь с респондентами.

Одинцова М.А., Стовбун Н.Ю., Радчикова Н.П.,
Гребенщикова В.П. (2025). Профили
посттравматического реагирования лиц с прямой
и косвенной вовлеченностью в военный конфликт.
Клиническая и специальная психология, 14(4), 108—128.

Odintsova M.A., Stovbun N.Yu., Radchikova N.P.,
Grebenshchikova V.P. (2025). Profiles of post-traumatic
response of people with direct and indirect
involvement in military conflict.
Clinical Psychology and Special Education, 14(4), 108—128.

Радчикова Н.П. — применение статистических методов для анализа данных; анализ данных; визуализация результатов исследования; написание и оформление рукописи.

Гребенщикова В.П. — проведение исследования; сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria A. Odintsova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Natalia Yu. Stovbun — conducting the research; data collection and analysis; feedback to respondents.

Nataly P. Radchikova — application of statistical methods for data analysis; data analysis; visualization of research results; writing and design of the manuscript.

Veronika P. Grebenshchikova — conducting the research; data collection and analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 21.07.2025
Поступила после рецензирования 04.12.2025
Принята к публикации 04.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.07.21
Revised 2025.12.04
Accepted 2025.12.04
Published 2025.12.30